РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-126-138

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНИКОВ КАК ПРЕДИКТОРЫ РИСКА БУЛЛИНГА

Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Залыгаева С. А.

*Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
300026, г. Тула, пр-т Ленина, д. 125, Российская Федерация*

Аннотация. Целью работы является рассмотрение половозрастных особенностей школьников, позволяющих установить круг факторов прогнозируемого риска буллинга в образовательной среде, и определение на их основе мишеней для работы психолога по его профилактике. На предварительном этапе исследования приняли участие 265 учеников в возрасте от 7,5 до 17 лет из 11 школ г. Тулы и Тульской области. Оценка риска буллинга в школе проводилась с использованием опросника ОРБ, по результатам которого было отобрано 85 учеников из трёх школ и сформированы три возрастные выборки. Анализ зарубежных и российских психологических исследований по проблеме школьного буллинга позволил систематизировать половозрастные характеристики школьников, обуславливающих риск буллинга: враждебность и агрессивность, социометрический статус, уровень и направленность аффективных реакций, специфика поведения в конфликтной ситуации. Для установления тесноты связи между выделенными параметрами проводилась статистическая обработка данных с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена; критерия хи-квадрат (χ^2) Пирсона и коэффициента сопряжённости V Крамера.

Ключевые слова: буллинг, половозрастной аспект, потенциальные участники буллинга, предупреждение школьного буллинга, профилактика школьной травли

SCHOOLCHILDREN'S AGE AND GENDER CHARACTERISTICS AS PREDICTORS OF BULLYING RISKS

K. Shalaginova, T. Kulikova, S. Zalygaeva

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125, Lenin prosp., Tula 300026, Russian Federation*

© СС ВУ Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Залыгаева С. А., 2019.

Abstract. The purpose of the article is to consider the age and gender characteristics of schoolchildren, which make it possible to establish the range of factors of the predicted bullying risk in the educational environment, and determine on their basis the targets for the psychologist's work on its prevention. 265 pupils aged 7.5 to 17 years from 11 schools of the city of Tula and Tula region took part in the preliminary stage of the study. Risk assessment of bullying at school was carried out using an ORB questionnaire, the results of which were used to select 85 students from three schools and to form three age samples. The analysis of foreign and Russian psychological studies on the problem of school bullying made it possible to systematize the age and sex characteristics of schoolchildren, which determine the risk of bullying: hostility and aggressiveness, sociometric status, level and orientation of affective reactions, specificity of behavior in a conflict situation. To establish the closeness of the relationship between the selected parameters, statistical data processing was performed using the Spearman's coefficient of range correlation; Pearson's Chi-square (χ^2) and Cramer's conjugacy coefficient V.

Keywords: bullying, gender and age aspect, potential bullying participants, prevention of school bullying, prevention of school bullying

Феномен буллинга в современной школе является широко распространённым. По результатам различных исследований, с явлением буллинга в школе сталкивается постоянно или эпизодически порядка трети учеников. Практика показывает, что формы буллинга носят преимущественно вербальный характер – крики, унижительные замечания, оскорбления, издевательства, «злые» шутки, задевающие честь и достоинство. Между тем четверть современных детей сталкиваются и с физическим проявлением буллинга, угрозами физической расправы [15].

Российские специалисты, занимающиеся проблематикой школьной травли (Л. С. Алексеева, А. А. Бочавер, И. С. Бердышев, О. Л. Глазман, С. В. Кривцова, Д. А. Кутузова, В. Р. Петросянц и др.), обращают внимание на явно заниженный характер указанных цифр. Обозначенная проблема неоднозначна. С одной стороны, следует признать, что тема жестокости вообще, и в детском возрасте в

частности, была и остаётся одной из древнейших. Насилие издавна считается самым примитивным и быстрым способом решения проблем, «скорого» получения желаемого результата [2; 8].

Термин «буллинг» появился в научной литературе лишь в начале 90-х гг. прошлого столетия. Изначально для обозначения систематической травли одного человека группой людей использовался термин «моббинг» [11], который впервые был применён шведским врачом П.-П. Хайнеманном, проводившим исследования группового поведения детей в ученической среде, проявляющегося в грубых и жестоких формах.

Однако значительный интерес у зарубежных психологов феномен «школьной травли» (school bullying) был вызван после публикации книги «Агрессия в школах. Хулиганы и мальчики для бития» (Aggression in the schools. Bullies and whipping boys) в 1978 г. норвежским исследователем Д. Ольвеусом. Таким образом, Д. Ольвеус сделал явление буллинга

видимым, признаваемым, что позволило включить его в область психологической науки [18].

В дальнейшем Д. Лейн и Э. Миллер подробно описали буллинг (школьную травлю) как длительный процесс абсолютно сознательного жестокого физического и (или) психического отношения одного ученика или группы детей к другому ребёнку или другим детям [13].

Мотивами буллинга могут быть месть, зависть, конкуренция, соперничество и просто личная неприязнь к объекту травли. В качестве причин травли могут стать потребность во власти, превосходстве, удовлетворение от причинения вреда и страдания другим, агрессивное поведение отдельных личностей. Не стоит также забывать и об удовлетворении садистских наклонностей детей. Такая опасная мотивация встречается у определённой категории акцентуированных и дисгармонично развивающихся личностей.

Одной из причин травли, по мнению Д. А. Кутузовой, является «необычность ребенка», его исключительность или отличие «от принятых в группе стандартов» [10; 11]. Автор считает, что для возникновения ситуации травли достаточно даже одного ученика в школе, желающего самоутвердиться за счёт унижения других.

Российскими учёными выявлены «сенситивные, то есть наиболее чувствительные к насилию периоды жизни и развития ребенка, связанные с происходящими анатомо-физиологическими, гормональными, эмоционально-личностными и психосоциальными изменениями, которые делают его наиболее уязвимым и драматизируемым. Прежде всего, это дошколь-

ный и подростковый возрастные периоды» [1, с. 13–14].

На основе данных зарубежных исследователей А. А. Бочавер и К. Д. Хломов констатируют, что прямой травле подвергаются в основном учащиеся младшей школы, тогда как в средней и старшей школе в большей степени наблюдается косвенная травля. Установлено также, что мальчики больше девочек склоняются участвовать в травле в разных ролях (жертва, преследователь, свидетель), и в то же время мальчики сами чаще становятся жертвами физической травли – у них отбирают деньги и портят вещи, им угрожают и заставляют их что-то делать. Девочки чаще всего становятся жертвами сплетен, непристойных высказываний и жестов со стороны буллеров [3].

Анализируя статистические данные в отношении жертв буллинга, полученные Д. Ольвеусом, С. В. Кривцова приходит к выводу, что явных гендерных отличий жертв буллинга не существует – и мальчики, и девочки примерно в равной степени подвергаются травле. Однако при этом выявлены явные возрастные отличия: число жертв буллинга в младших классах почти в три раза выше, чем в старших. Данная статистика характерна и для мальчиков, и для девочек. В то же время обнаружены достаточно значимые половоспецифические отличия у буллеров: «почти в четыре раза больше мальчиков, чем девочек, заявили о том, что сами совершали действия буллинга. И если число девочек-буллеров с возрастом снижалось..., то число мальчиков, наоборот, возрастало...» [9, с. 102]. Исследователи предполагают, что существует определённое число «скры-

тых» (не выявляемых с помощью имеющихся опросников) буллеров среди девочек, но более точных данных по этому вопросу пока нет.

Стоит иметь в виду тот факт, что девочки в большей степени склонны к косвенному буллингу, или нарушению отношений привязанности, а это затрудняет их идентификацию в качестве буллеров. Зачастую девочки в самовосприятии не считают себя таковыми. Исследователи считают, что говорить о более точном количестве буллеров-девочек не представляется возможным, так как «скрытые» буллеры не выявляются существующими на сегодняшний день опросниками [9, с. 102].

Буллинг представляет собой конкретную систему взаимоотношений в коллективе, которую принято называть «буллинг-системой». Эта система дает чёткое представление о возможных ролях и позициях: агрессор, присоединившийся участник, свидетель-подстрекатель, свидетель-аутсайдер, защитник, жертва и др. [13].

Индивидуально-психологические особенности участников буллинга могут различаться в зависимости от роли или позиции в ситуации травли. Исследователи часто говорят о том, что существуют внутренние предпосылки, которые способствуют тому, что ребёнок наиболее активно осваивает определённую из этих ролей. Так, жертвы буллинга характеризуются «снижением самоуважения, аутосимпатии, самопринятия и повышением самообвинения; наличием выраженных проблемных переживаний в области собственной личности, школы, сверстников, родительского дома, будущего; ... неприятия себя и других, эмоционального дискомфорта,

ухода в себя и ожидания внешнего контроля; ... относительно высокими показателями враждебности; высокими показателями эмоциональности и снижением личностной нервно-психической устойчивости; склонностью к повышенной напряженности» [14]. Как правило, жертвы чувствительны, тревожны, плаксивы, физически слабы, они отличаются низкой самооценкой, а после факта травли или насилия склонны испытывать стыд и неуверенность в себе и полагают, что заслужили свои страдания. Невольные свидетели, или «наблюдатели» происходящего ощущают собственное бессилие, их самооценка, также как и у жертв, заметно снижается [13].

Свидетели травли ощущают небезопасность среды, переживают страх, беспомощность, стыд за своё бездействие и в то же время желание присоединиться к агрессору, а иногда удовлетворение от мысли «хорошо, что это происходит не со мной». Если травля не прекращается, у свидетелей слабеет способность к эмпатии [3].

У буллеров возникают проблемы с развитием эмпатии по отношению к другим, они получают удовольствие от власти и высокого статуса по сравнению с жертвой. Кроме традиционно выделяемых ролей участников буллинга, в некоторых исследованиях можно встретить и такую категорию, как «агрессивная жертва».

Эти особенности могут быть как следствиями травли, так и её предпосылками, своеобразными «сигналами» другим детям о том, что ребёнка легко сделать жертвой [5]. Многие агрессивные жертвы склонны проявлять насилие по отношению к младшим детям и более слабым сверстникам.

Обзор психологических исследований позволил нам систематизировать личностные характеристики школьников для установления круг факторов прогнозируемого риска буллинга в образовательной среде: враждебность и агрессивность, социометрический статус, уровень и направленность аффективных реакций, специфика поведения в конфликтной ситуации. Очевиден тот факт, что риск стать жертвой, равно как и буллером, существует у так называемых потенциальных участников – наблюдателей, свидетелей и т. д. Такие потенциальные участники, по нашему мнению, составляют «группы риска». Анализ работ зарубежных и отечественных учёных позволяет утверждать, что на современном этапе исследований проблемы буллинга достаточно подробно изучена степень распространённости данного явления, выявлены формы проявления буллинга. Гораздо меньше исследований, рассматривающих индивидуальные характеристики и половозрастные особенности участников школьной травли, тогда как «именно они прежде всего интересны для психолога, так как те или иные внешние признаки, особенности поведения, социальный статус и др. могут быть не только характерной чертой, но и причиной принятия учащимися тех или иных ролей в ситуации буллинга» [7, с. 7].

Всё вышеизложенное обусловило цель нашего исследования – выявление половозрастных особенностей школьников, позволяющих установить круг факторов прогнозируемого риска буллинга в образовательной среде, и определение на их основе мишеней для работы психолога по его профилактике. Мы предположили, что риск попа-

дания школьников в буллинг-группы определяется пересечением типичных для каждого возраста и пола свойств и качеств личности (враждебность и агрессивность, социометрический статус, уровень и направленность аффективных реакций, специфика поведения в конфликтной ситуации).

Для определения половозрастных особенностей школьников, обуславливающих риск буллинга в образовательной среде, было проведено экспериментальное исследование, в котором приняли участие 265 учеников в возрасте от 7,5 до 17 лет из 11 школ г. Тулы и Тульской области.

На предварительном этапе исследования проводилась оценка риска буллинга в школе с использованием одноименного опросника ОРБ [4]. Данный опросник позволяет выявить факторы риска буллинга внутри класса и внутри школы. Были выявлены разновозрастные классы с наиболее высокой выраженностью риска буллинга (табл. 1).

Для основного этапа исследования половозрастных особенностей школьников было отобрано 85 респондентов из трёх школ и сформированы три возрастные выборки – младшие школьники, подростки и старшекласники, в каждой из них были выделены группы мальчиков и девочек. При проведении пилотного исследования контрольная группа не формировалась.

Выборку младших школьников составили 29 учащихся (13 девочек и 16 мальчиков). В работе с младшими школьниками применялись следующие методики: проективная методика для диагностики школьной тревожности (А. М. Прихожан), тест руки «Hand Test» (Э. Вагнер), проективный тест личностных отношений, социаль-

Таблица 1.
Средние значения (М) и средние квадратичные отклонения (SD)
по шкалам опросника ОРБ

Распределение по группам	Шкала небезопасности		Шкала благополучия		Шкала разобщенности		Шкала равноправия	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Общая выборка n = 85	7,35	2,79	6,55	2,27	2,85	2,36	3,77	2,77
Младшие школьники n = 29	5,85	2,11	7,21	2,65	2,75	2,19	3,19	2,17
Подростки n = 32	8,74	3,31	5,65	1,97	3,47	2,81	3,97	2,95
Старшеклассники n = 24	7,45	2,97	6,81	2,19	2,35	2,09	4,15	3,18

ных эмоций и ценностных ориентаций «Домики» (О. А. Орехова), методика «Лесенка» (В. Г. Щур) и методика «Социометрия».

Выборку подростков составили 32 учащихся (18 девочек и 14 мальчиков). Опираясь на работы Д. Ольвеуса [18], согласно которым именно в 10–14 лет особенно ярко прослеживается разница полов, а девочки в своём психическом и физическом развитии превосходят мальчиков, мы считаем целесообразным более детальному анализу подвергнуть половозрастную специфику проявления школьной травмы в этом возрасте.

Были использованы следующие методики: опросник Басса-Дарки, *тест-опросник «Стиль поведения в конфликте»* (К. Томас), методика самооценки психических состояний (Г. Айзенк), методика диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко), тест «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев).

Выборку старших школьников составили 24 учащихся (13 девушек и 11 юношей). В работе со старшеклассни-

ками основная задача исследования – определить уровень агрессивности, изучить толерантные и интолерантные установки личности, определить личностную предрасположенность к конфликтному поведению, выявить уровень эмпатических способностей, что и обусловило выбор соответствующих методик: опросник Басса-Дарки, методика «Интолерантность-толерантность» (Л. Г. Почебут), *тест-опросник «Стиль поведения в конфликте»* (К. Томас), социометрия (Дж. Морено), методика диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко).

Статистическая обработка данных проводилась с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена; критерия хи-квадрат (χ^2) Пирсона и коэффициента сопряжённости V Крамера. Данные расчёты выполнены с помощью программы SPSS Statistics 17.0.

Проведённое нами исследование позволило выявить в каждой исследуемой выборке школьников так называемые «группы риска» с позиции как потенциальных жертв, так и воз-

можных потенциальных инициаторов травли [16].

В выборке младших школьников «группу риска» составляют дети, представляющие разные статусные позиции в классе. В первую очередь обращают внимание учащиеся, входящие в группу «звезды». По результатам диагностики у большинства «звезд» (57 %) выявлены эмоциональные проблемы, в частности наличие тревожности. Такие школьники достаточно демонстративны и склонны проявлять всплески агрессии в отношениях с другими. Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «звезда» и параметрами «наличие тревожности» (*An*) и «наличие агрессивных черт» (*Af*) показал наличие сильной прямой корреляционной связи ($r = 0,71$; $r = 0,67$, при $p \leq 0,05$). Переживание тревожности «звездами» объясняется чрезмерной старательностью при выполнении заданий и озабоченностью сохранения своего статуса в глазах учителя и одноклассников, что указывает на конфликтность самооценки такого ребёнка.

В «группу риска» также входят учащиеся со статусами «отвергнутый» и «непринятый». Это неуверенные в себе дети с заниженной самооценкой, не способные управлять своими эмоциями, имеющие проблемы в поведении и общении и проявляющие тревожность. Постоянное «негативное внимание» со стороны учителя и одноклассников способствует фиксации и усилению тревожности, подкрепляя тем самым и нежелательные формы поведения ребёнка. Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «отвергнутый» и параметрами «эмоциональная устойчивость» (*Est*) и «наличие тревожности» (*An*) выявил

наличие сильной обратной и прямой корреляционных связей (соответственно $r = -0,63$; $r = 0,74$, при $p \leq 0,05$). Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «непринятый» и параметрами «эмоциональная устойчивость» (*Est*) и «наличие тревожности» (*An*) выявил наличие средней обратной и прямой корреляционных связей (соответственно $r = -0,58$; $r = 0,63$, при $p \leq 0,05$).

В «группу риска» школьников из выборки подростков вошли учащиеся, у которых выявлен заниженный уровень эмпатии (33 % респондентов), низкий уровень толерантности (27 %) и повышенный уровень агрессивности (34 %). Из числа подростков данной подвыборки 34 % респондентов предпочитают в конфликте стратегию соперничества. Они стремятся добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому. Коэффициент корреляции между параметром «уровень агрессивности» (*Ag*) и «уровень эмпатии» (*Em*), «уровень толерантности» (*T*) и «соперничество» (*Rs*) выявил наличие сильных прямых корреляционных связей (соответственно $r = 0,71$; $r = 0,67$ и $r = 0,73$, при $p \leq 0,05$). Для испытуемых характерны стремление к использованию физической силы против другого лица и готовность к проявлению резкости, грубости.

Уровень эмпатии девочек и мальчиков несущественно различаются между собой, средние значения показателей равны 25,9 и 20,9 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем эмпатии и полом испытуемых показал наличие слабой корреляционной связи ($r = 0,366$, при $p \leq 0,05$).

Существует различие средних значений показателей уровня толерант-

ности девочек и мальчиков – 87,8 и 58,0 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем толерантности и полом испытуемых показал наличие средней корреляционной связи ($r = 0,512$, при $p \leq 0,01$).

Существует различие средних значений показателей уровня агрессивности девочек и мальчиков – 21,8 и 28,1 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем агрессивности и полом испытуемых показал наличие слабой обратной корреляционной связи ($r = -0,493$, при $p \leq 0,01$).

Для выявления корреляционных связей между номинальными шкалами «пол: мальчики, девочки» и «тип поведения в конфликте: соперничество, приспособление, избегание, компромисс, сотрудничество», использовались критерий хи-квадрат (χ^2) Пирсона и уточняющий коэффициент сопряжённости V Крамера. Качественные значения были закодированы: мальчики (1); девочки (2); соперничество (1); приспособление (2); избегание (3); компромисс (4); сотрудничество (5). Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программы SPSS Statistics 17.0. Были получены следующие данные: $\chi^2 = 7,37$, при $p = 0,118$. Число степеней свободы = 4. Критическое значение критерия хи-квадрат Пирсона, при уровне значимости $p = 0,05$ и числе степеней свободы 4 составило 9,49. Сравнивая полученное значение критерия хи-квадрат с критическим ($7,37 < 9,49$), мы сделали вывод, что зависимость частоты случаев «пол» и «поведение в конфликте» статистически не значимы, что вполне возможно из-за небольшого объёма выборки. Поэтому с целью оценки силы взаимосвязи ис-

пользовался уточняющий симметрический критерий V Крамера. Были получены следующие результаты: V Крамера = 0,468, что говорит о наличии в выборке некоторых умеренных корреляционных связей. Анализируя полученные данные, следует выделить наиболее возможные случаи возникновения корреляционной связи между: полом «девочки» и типом поведения в конфликте «соперничество»; полом «мальчики» и типом поведения в конфликте «компромисс».

Для выявления корреляционных связей между номинальными шкалами «пол: мальчики, девочки» и «преобладающий тип агрессии: физическая, косвенная, вербальная, не выявлено», использовались критерий хи-квадрат (χ^2) Пирсона и уточняющий коэффициент сопряжённости V Крамера. Качественные значения были закодированы: мальчики (1); девочки (2); физическая (1); косвенная (2); вербальная (3); не выявлено (4). Были получены следующие данные: $\chi^2 = 13,99$, при $p = 0,01$. Число степеней свободы = 3. Критическое значение критерия хи-квадрат Пирсона при уровне значимости $p = 0,01$ и числе степеней свободы 3 составило 11,3. Сравнивая полученное значение критерия хи-квадрат с критическим ($13,99 > 11,3$), мы пришли к выводу, что зависимость частоты случаев «пол» и «преобладающий тип агрессии» статистически значима. С целью оценки силы взаимосвязи использовался уточняющий симметрический критерий V Крамера. Были получены следующие результаты: V Крамера = 0,661, при $p = 0,003$, что говорит о наличии в выборке средних корреляционных связей. На основе анализа данных можно утверждать,

что наиболее возможные случаи возникновения корреляционной связи выявлены между полом «мальчики» и типом агрессии «физическая»; полом «девочки» и типами агрессии «косвенная», «вербальная».

В выборке старшеклассников к «группе риска» можно отнести учащихся с предрасположенностью к роли буллера, которых характеризует повышенный уровень агрессивности, низкий уровень толерантности как личностной, так и коммуникативной, низкий уровень принятия других, склонность к соперничеству в конфликтной ситуации. Социальный статус таких старшеклассников определяется как «звезды» и «предпочитаемые».

Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «звезда» и параметрами «соперничество» (*Rs*) и «уровень агрессивности» (*Ag*), «уровень толерантности» (*T*) и «уровень принятия других» (*Aol*) выявил наличие сильной прямой (соответственно: $r = 0,76$; $r = 0,79$, при $p \leq 0,05$) и обратной (соответственно: $r = -0,67$; $r = -0,59$, при $p \leq 0,05$) корреляционных связей. Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «предпочитаемые» и параметрами «соперничество» (*Rs*) и «уровень агрессивности» (*Ag*), «уровень толерантности» (*T*) и «уровень принятия других» (*Aol*) выявил наличие сильной прямой (соответственно: $r = 0,73$; $r = 0,69$, при $p \leq 0,05$) и обратной (соответственно: $r = -0,59$; $r = -0,56$, при $p \leq 0,05$) корреляционных связей.

К «группе риска» также могут быть отнесены старшеклассники, предрасположенные к роли жертвы в ситуациях буллинга. Для юношей и девушек данной категории характерен низкий

уровень агрессии, избегание в качестве стратегии поведения в конфликте, низкий или средний уровень толерантности и принятия других. Социальный статус таких старшеклассников определяется как «отвергнутые». Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «отвергнутые» и параметрами «избегание» (*As*) и «уровень агрессивности» (*Ag*), «уровень толерантности» (*T*) и «уровень принятия других» (*Aol*) выявил наличие сильной прямой ($r = 0,79$) и обратной (соответственно: $r = -0,62$; $r = -0,57$; $r = -0,53$, при $p \leq 0,05$) корреляционных связей.

Опираясь на опыт зарубежных авторов [17; 19; 20; 21; 22] и результаты полученных данных по каждой выборке с учётом половозрастного аспекта, мы сочли возможным определить основные мишени для работы психолога по профилактике риска школьной травли.

Целью работы с младшими школьниками должна стать профилактика предпосылок буллинга, направленная на работу как с вероятными буллерами, так и с потенциальными жертвами. Основной акцент необходимо сделать на развитие коммуникативных навыков, умение работать в группе, снижение уровня агрессивности, коррекцию и устранение гнева, снижение личностной тревожности школьников, оптимизацию социального статуса ребёнка в коллективе сверстников [12].

В работе с мальчиками-подростками необходимо формировать навыки адекватного и безопасного выражения гнева, учить подростков понимать психологическую сущность агрессии, её специфику, особенности, оптимизировать взаимодействие подростков в коллективе, повышать уровень эмпатии и толерантности, способствовать

«раскрепощению» эмоциональной сферы. При организации занятий с мальчиками-подростками особое внимание следует уделять их двигательной активности. Мальчики по природе своей менее сдержанны и не способны контролировать своё поведение с таким же успехом, как девочки.

Девочки подросткового возраста иногда отличаются своей нерешительностью. При проведении профилактической работы следует создавать для девочек ситуации успеха. В работе с девочками-подростками акцент делается на развитие способности понимать свои чувства, осознавать негативные эмоции, уметь адекватно проявлять и сдерживать негативные эмоции в отношении других людей, стремиться к снижению уровня вербальной, косвенной агрессии, повышению уровня эмпатии, формированию навыков конструктивного решения конфликтных ситуаций [6].

В работе по предупреждению буллинга в «группе риска» старшеклассников в отношении потенциальных инициаторов травли следует снижать

уровень агрессивных и враждебных реакций, склонность к рискованному поведению, развивать как личностную, так и коммуникативную толерантность, эмпатийное принятие других, формировать навыки конструктивного поведения в конфликтах. В работе со старшеклассниками, предрасположенными к роли жертвы в ситуациях буллинга, акцент смещается в первую очередь на формирование умений отстаивать границы психологического пространства собственной личности, повышение социометрического статуса в коллективе, обучение эффективным стратегиям поведения в конфликтных ситуациях.

Анализ результатов проведённого исследования позволяет говорить о целесообразности изучения половозрастных особенностей школьников, позволяющих спрогнозировать риск буллинга в образовательной среде и определить на их основе мишени для работы психолога по его профилактике.

*Статья поступила
в редакцию 18.04.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. С. Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение. М., 2016. 180 с.
2. Бердышев И. С. Лекарство против ненависти // Первое сентября. 2005. № 18. С. 3.
3. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
4. Опросник риска буллинга / А. А. Бочавер, В. Б. Кузнецова, Е. М. Бианки, П. В. Дмитриевский, М. А. Завалишина, Н. А. Капорская, К. Д. Хломов // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 146–157.
5. Глазман О. Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, 2009. № 105. С. 159–165.
6. Гребенкин Е. В. Профилактика агрессии и насилия в школе. Р-н/Д., 2013. 157 с.
7. Екимова В. И., Залалдинова А. М. Жертвы и обидчики в ситуации буллинга: кто они? // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 4. С. 5–10.

8. Ершов Д. А. Жестокое обращение с детьми как проблема современного общества // Актуальные проблемы семейной педагогики, 2015. № 1. URL: <http://family-edu.esrae.ru> (дата обращения: 19.02.2019).
9. Кривцова С. В., Шапкина А. Н., Белевич А. А. Буллинг в школах мира: Австрия, Германия, Россия // Образовательная политика. 2016. № 3 (73). С. 97–119.
10. Кутузова Д. А. Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать // Психология и школа. 2006. № 4. С. 54–72.
11. Кутузова Д. А. Травля в школе. Мифы и реальность. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://medportal.ru/budzdorova/child/625> (дата обращения: 19.02.2019).
12. Ларченко Н. А. Буллинг – причины, формы, профилактика. Методический материал. Волгоград, 2015. 23 с.
13. Лэйн Д. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лейна, Э. Миллера. СПб., 2001. С. 240–274.
14. Петросянц В. А. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде // Эмиссия: электронный научный журнал. 2010. URL: <http://www.emissia.org/offline/2010/1479.htm> (дата обращения: 19.02.2019).
15. Собкин В. С., Маркина О. С. Влияние опыта переживаний «школьной травли» на понимание подростками фильма «Чучело» // Вестник практической психологии образования. 2009. № 1. С. 48–57.
16. Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Черкасова С. А. Теоретико-методические основы деятельности педагога-психолога по предотвращению буллинга в школах Тульского региона: гендерно-возрастной аспект. Тула, 2014. 237 с.
17. Arora C. M. J. Measuring bullying with the life in School checklist // Patoral Care in Education. 1994. № 12. P. 11–15.
18. Olweus D. Aggression in the schools. Bullies and whipping boys. Washington, 1978. 218 p.
19. Olweus D. Aggressors and their victims: bullying at school // Disruptive behaviours in schools / ed. H. Gault. New York 1984. P. 57–76.
20. Olweus D. et al. The nature of school bullying: a crossnational perspective. London, 1999. 384 p.
21. Roffey S. Addressing bully in schools: organisational factors from policy to practice // Educational and Child Psychology. 2000. № 17 (1). P. 6–19.
22. Schdfer M. Gruppenzwangals Ursache für Bullying? // Report Psychologie, 1998. № 11/12. P. 914–927.

REFERENCES

1. Alekseeva L. S. *Zhestokoe obrashchenie s det'mi: ego posledstviya i predotvrashchenie* [Abuse of children: its consequences and prevention]. Moscow, 2016. 180 p.
2. Berdyshev I. S. [The cure for hatred]. In: *Pervoe sentyabrya* [The first of September], 2005, no. 18, pp. 3.
3. Bochaver A. A., Khlomov K. D. [Bullying as a research object and a cultural phenomenon]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher school of Economics], 2013, vol. 10. no. 3, pp. 149–159.
4. Bochaver A. A., Kuznetsova V. B., Bianki E. M., Dmitrievsky P. V., Zavalishina M. A., Kaporskaya N. A., Khlomov K. D. [Questionnaire for the risk of bullying]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2015, no. 5, pp. 146–157.
5. Glazman O. L. [Psychological characteristics of bullying participants]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of Russian State Pedagogical University named A. I. Herzen], 2009, no. 105, pp. 159–165.

6. Grebenkin E. V. *Profilaktika agressii i nasiliya v shkole* [Prevention of aggression and violence in school]. Rostov-on-don, 2013. 157 p.
7. Ekimova V. I., Zalaldinova A. M. [Victims and offenders in situations of bullying: who are they?]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2015, vol. 4, no. 4, pp. 5–10.
8. Ershov D. A. [Abuse of children as a problem of modern society]. In: *Aktual'nye problemy semeinoi pedagogiki* [Actual problems of family education], 2015, no. 1. Available at: <http://family-edu.esrae.ru> (accessed: 19.02.2019).
9. Krivtsova S. V., Shapkina A. N., Belevich A. A. [Bullying in the schools of the world: Austria, Germany, Russia]. In: *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy], 2016, no. 3 (73), pp. 97–119.
10. Kutuzova D. A. [Bullying at school: what is it and what can be done about it]. In: *Psikhologiya i shkola* [Psychology and the school], 2006, no. 4, pp. 54–72.
11. Kutuzova D. A. *Travlya v shkole. Mify i real'nost'* [Elektronnyi resurs]. [Harassment at school. Myths and reality], 2011. Available at: <http://medportal.ru/budzdorova/child/625> (accessed: 19.02.2019).
12. Larchenko N. A. *Bulling – prichiny, formy, profilaktika* [Bullying – causes, forms, prevention]. Volgograd, 2015. 23 p.
13. Lein D. [School bullying] In: Lein D., Miller E., eds. *Detskaya i podrostkovaya psikhoterapiya* [Child and adolescent psychotherapy] St. Petersburg, 2001, pp. 240–274
14. Petrosyants V. A. [Psychological characteristics of high school students, participants of bullying in the educational environment]. In: *Emissiya: Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Emissiya: Electronic scientific magazine], 2010. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2010/1479.htm> (accessed: 19.02.2019).
15. Sobkin V. S., Markina O. S. [The impact of experiences of “school bullying” on understanding the movie “Chuchelo” by teenagers]. In: *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of practical psychology of education], 2009, no. 1, pp. 48–57.
16. Shalaginova K. S., Kulikova T. I., Cherkasova S. A. *Teoretiko-metodicheskie osnovy deyatel'nosti pedagoga-psikhologa po predotvrashcheniyu bullinga v shkolakh Tul'skogo regiona: genderno-vozrastnoi aspekt* [Theoretical and methodical bases of activity of the psychologist in preventing bullying at schools of Tula region: gender-age aspect]. Tula, 2014. 237 p.
17. Arora C. M. J. Measuring bullying with the life in School checklist. In: *Patoral Care in Education*, 1994, no. 12, pp. 11–15.
18. Olweus D. Aggression in the schools. Bullies and whipping boys. Washington, 1978. 218 p.
19. Olweus D. Aggressors and their victims: bullying at school. In: Gault H., ed. *Disruptive behaviours in schools*. New York, 1984, pp. 57–76.
20. Olweus D. et al. The nature of school bullying: a crossnational perspective. London, 1999. 384 p.
21. Roffey S. Addressing bully in schools: organisational factors from policy to practice. In: *Educational and Child Psychology*, 2000, no. 17 (1), pp. 6–19.
22. Schdfer M. Gruppenzwang als Ursache für Bullying? In: *Report Psychologie*, 1998, no. 11/12, pp. 914–927.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шалагинова Ксения Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: shalaginvaksenija99@yandex.ru;

Куликова Татьяна Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: tativkul@gmail.com;

Залыгаева Светлана Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: cherkasova81@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kseniya S. Shalaginova – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
e-mail: shalaginvaksenija99@yandex.ru;

Tatyana I. Kulikova – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
e-mail: tativkul@gmail.com;

Svetlana A. Zalygaeva – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Special Psychology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
e-mail: cherkasova81@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Залыгаева С. А. Половозрастные особенности школьников как предикторы риска буллинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 126–138.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-126-138

FOR CITATION

Shalaginova K. S., Kulikova T. I., Zalygaeva S. A. Schoolchildren's age and gender characteristics as predictors of bullying risks. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 126–138.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-126-138